

Михаил Кречмар

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Михаил Арсеньевич Кречмар

Большая охота

Серия «Библиотека Русского охотничьего журнала»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50203986

Большая охота / Михаил Кречмар: Бухгалтерия и банки; Москва; 2015

ISBN 978-5-902479-26-0

Аннотация

В книге описаны сведённые воедино два, пожалуй, самых увлекательных мужских занятия – охота на крупного (а иногда и опасного) зверя и путешествия в труднодоступные районы планеты. Местом действия выступают то тихоокеанское побережье России, то уссурийская тайга, то чукотская тундра, то льды Канадской Арктики.

Эта книга показывает не парадную, а внутреннюю сторону организации трофейной охоты, мир, где ваше благополучие, своевременное возвращение, а порой даже жизнь зависят от капризов природы, вовремя переданного прогноза погоды или от степени трезвости экипажа вертолётa.

Она о поиске, терпении, мастерстве, случайности, везении и метком выстреле. О том, как в наш механически-компьютерный век сбывается Мечта. Мечта о настоящем путешествии в

природу. И то, что трудной, но заслуженной наградой в этом путешествии является трофей – Большой Зверь, только придаёт ему законченность.

Содержание

Введение	7
Часть I	17
Глава 2	34
Охота на снегоходах	36
Охота с подхода	39
Охота с применением мотолодок	50
Охота на привале	56
Трофейные кондиции русских медведей	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Михаил Кречмар

Большая охота

*Посвящается моей жене О Мен Хи,
которая стойчески дожидалась меня из всех
нижеперечисленных авантур...*

*Серия «Библиотека „Русского охотничьего журнала“» ос-
нована в 2013 году*

В книгу включены фотографии, выполненные А. Кречма-

ром, Д. Поляченко, А. Агаповым, С. Рудаковым (компания «Кулу»), С. Ивановым, О. Мочаловой, В. Таймыром, И. Шпиленком, Е. Крокуновым, Т. Крокуновой, А. Вайводсом, Д. Даниловым, А. Кляцыным, Е. Кречмаром, С. Марченковым, В. Солкиным, Е. Фестером, Ю. Шараповым

Фотографии, авторство которых не указано, выполнены автором

Фото на обложке Руслана Кастоева

2-е издание, с изменениями в оформлении.

1-е издание вышло в 2012 году

Введение

Охота за мечтой: история и современность

Мы обогнём верховья Учинеёвеема, выйдем на Кымыльваам, оттуда нам останется километров восемьдесят до Куроды. По Куроде двигаем вниз в поисках приличного леса. Как только доходим до леса, начинаем оглядываться в поисках лагеря, оттуда и начнём.

Мой собеседник, полярный вездеходчик, смотрит на меня исподлобья, с недоверием и даже враждебностью. Он достаёт из потрёпанного кожаного офицерского планшета ещё более потрёпанную бумажную карту, кладёт её поверх моей – чистой, недавно напечатанной, ещё пахнущей типографской краской:

– Что-то я ничего на твоей карте не понимаю.

Начинает водить по ней толстым пальцем со сбитым ногтем – заслуженным таким пальцем полярного вездеходчика. Поводив достаточно долго, отрывисто побормотав себе под нос что-то неразборчивое, пару раз недоверчиво хрюкнув, снова поднимает глаза:

– Ты хоть понимаешь, парень, где это всё находится? Сюда надо прежде всего попасть, а ты ещё хочешь на кого-то охотиться...

Экспедиции в наши дни становятся делом не таким уж и

сложным. В один прекрасный день вы, лёжа на любимом диване, потягивая пиво и бесцельно переключая телевизионные каналы, вдруг случайно натываетесь на фантастические красоты истоков Нила, захватывающие дух просторы полярных пустынь, виды камчатских гейзеров или венесуэльских саванн. Что-то западает вам в душу – и уже через несколько дней вы полночи не можете заснуть: в вашем сердце поселилась Мечта. Если финансы позволяют, то в скором времени (а если пока не очень позволяют – то спустя несколько лет) вы обращаетесь в хорошее туристическое агентство. Профессионалы этого бизнеса обеспечат вам и шампанское на кромке ледника Хельминнфрос, и незабываемые вечера на смотровой площадке над водопадом Виктория, и облёт на вертолёт лавового озера вулкана Мауна-Кеа.

Охотничьи экспедиции ничем в этом плане не отличаются от туристических – разве что ценой.

Профессионалы легко обратят в рутинную техническую задачу исполнение любой вашей мечты, в том числе и экспедицию за большим зверем.

Но это в наши дни торжества технологий.

А в древности экспедиции за большим зверем были примером предельного испытания всех человеческих способностей.

История охотничьих экспедиций уходит в настолько далёкое прошлое, что достоверно отследить её истоки не представляется возможным. В античные времена гладиаторы и

призовые бойцы схватывались на аренах амфитеатров с привезёнными с самых краёв Ойкумены львами, турами, леопардами, тиграми и даже слонами. Немного позже высшей доблестью стало считаться преследование этих зверей в местах их обитания. Королевские дворы и парламенты, раджи и тинги аплодировали отважным путешественникам, привозившим из дальних стран штабеля слоновьих бивней, кипы крокодильих шкур, тонны бизоньего мяса.

Исследовательские и завоевательские экспедиции XVII – первой половины XX века обязательно включали в себя и охоту. Одним из самых ярких примеров этого стала история самоокупаемости исследования Северной Земли за счёт сдачи молодому Советскому государству шкур белых медведей.

Огромные сборы привозились из приполярных областей экспедициями капитана Росса, герцога Абруццкого, Н. Норденшельда, Ф. Нансена, Р. Самойловича, Г. Ушакова.

Заметный вклад в изучение американской фауны внесла знаменитая экспедиция М. Льюиса и У. Кларка, доставившая большие сборы шкур, черепов и даже полных скелетов антилоп-вилорогов, бизонов, медведей гризли.

Участники охотничьих экспедиций этого периода буквально «снимали сливки» с фауны регионов, ранее не испытывавших на себе влияния цивилизации. Некоторые рекорды, установленные тогда рядовыми коллекторами и стрел-

ками, не превзойдены за почти сто пятьдесят лет спортивной охоты на двух континентах – достаточно вспомнить рога снежного барана, добытые на Камчатке экспедицией Ф. Рябушинского в самом начале XX столетия. Я бы, кстати, с удовольствием посмотрел на результаты оценок рогов яка и барана Марко Поло, добытых экспедициями Н. Пржевальского, П. Козлова и Б. Громбчевского, как и на обмеры медвежьих черепов из сборов Г. Стеллера и И. Вознесенского: уверен, они весьма впечатляющи.

Экспедиции за трофеями были одной из обязательных составляющих так называемой «большой игры» – проникновения русских и англичан на нейтральную территорию Средней Азии. Другое дело, что уж эти-то экспедиции по-настоящему охотничьими обычно не являлись.

Что касается приполярных районов, то настоящие трофейные охоты в них были скорее исключением, нежели правилом. Мне известна лишь одна полномасштабная охотничья экспедиция, наподобие африканских сафари, предпринятая в 1910 году мультимиллионерами Г. Уитни и П. Райли под руководством капитана Р. Бартлетта.

Если же говорить о классической русской охоте, то она практически не носила ни трофейного, ни экспедиционного характера. Аристократическое сословие волновало в первую очередь количество убитых животных, во вторую – размеры отдельных экземпляров, а уж о таких мелочах, как честный поиск, пусть даже и с помощью охотника-проводника,

никто не задумывался. Поэтому уделом русских охотников из привилегированных классов оставались охота на медведя в берлоге и загоны в вольерах. Образ «великого русского князя на сафари», растиражированный и высмеянный голливудскими фильмами, не соответствовал действительности ни в чём: великие русские князья старались охотиться в специально подготовленных угодьях в Европейской России.

Охотники-путешественники оставили после себя множество самых разнообразных воспоминаний, интересных отнюдь не только с охотничьей точки зрения. С другой стороны, подавляющее большинство литературы о путешествиях можно рассматривать также и как книги об охоте. Потрясающие «охотничьи» эпизоды мы встречаем у Ч. Ливингстона и Г. Стенли, Р. Доджа и С. Аллена, Д. Смита и А. Чендлера, П. Фоссета и Ж. Милье, Р. Брюса и С. Бейкера, Н. Пржевальского и П. Козлова, В. Арсеньева и Г. Федосеева...

В наши дни выглядит странным, что охотники того времени уделяли таким деталям, как выбор оружия и патронов, гораздо меньше внимания, чем их современные последователи. Скорее они исходили из принципа «было бы во что стрелять, а уж из чего – найдём». Впрочем, когда им позволяли средства, они обращались с заказами к лучшим мастерам-оружейникам и порой разрабатывали собственные модели оружия, иногда под ими же сконструированные патроны. Достаточно вспомнить сэра С. Бейкера с его слонобоем 4-го калибра, Ф. Нансена с его Н&Н 20/9,5 мм, С. Бутурлина

с его знаменитым «парадоксом» 24-го калибра, Ч. Ньютона и Т. Уэлена с их винтовками под скоростные патроны собственной разработки.

Одной из стран, на территории которых охотничьи экспедиции получили особенно большое распространение, были Соединённые Штаты Америки. 26-й президент США, человек, который внёс огромный личный вклад в дело охраны природы, страстный охотник Теодор Рузвельт говорил: «Никакое ученье в казарме или на плацу не может сравниться с той школой, которую представляет собой серьёзная охотничья экскурсия; здесь человек привыкает рассчитывать только на себя, учится преодолевать затруднения, изучать местность, проявлять смелость, встречаться с опасностями и выносить тяжёлую работу. Для всякого человека чрезвычайно полезно быть хорошим наездником и хорошим стрелком, быть смелым, стойким, сильным и выносливым, привычным к жизни на открытом воздухе и находчивым во всех затруднительных обстоятельствах. Охота на крупную дичь вызывает и воспитывает именно эти физические и нравственные черты».

География Большой Охоты на территории России для меня очень чётко очерчена районами обитания двух главных её объектов – восточносибирского лося и бурого медведя двух подвидов – камчатского и маньчжурского, включая и зону

распространения промежуточных форм этого зверя, протянувшуюся вдоль побережья Охотского моря.

Ещё в середине 1960-х годов охота в исследовательских экспедициях выглядела совершенно обыденным и даже не подлежащим обсуждению делом. С распространением лицензионной системы, охотничьих квот, современной службы охотнадзора она перестала быть таковой, дожив до наших дней лишь в воспоминаниях старожилов и ветеранов эпохи освоения дальних земель.

Но именно они, эти старожилы и ветераны, стали костяком охотничьих экспедиций нового времени. И, должен сказать, организуя и проводя эти путешествия, они сталкиваются с не меньшим, а иногда и с большим количеством трудностей, нежели они же или их отцы в середине XX века.

Экспедиции за большим зверем в наши дни выглядят не так, как во времена Ф. Селуса, Дж. Хантера и Р. Бартлетта. Сегодня в район охоты вас без особых проблем, а зачастую со всеми удобствами последовательно доставляют авиалайнер, комфортабельный автомобиль, вертолёт или вездеходная техника. Тем не менее каждая такая поездка (по крайней мере, в России) по-прежнему требует от любого её участника недюжинной стойкости духа, чувства юмора, философского спокойствия, изобретательности и физической выносливости.

В этой книге я расскажу о тех охотах, которые требуют дальних и продолжительных странствий, а также о са-

мих дальних и продолжительных странствиях, во время которых случаются такие охоты. Я расскажу о людях, участвующих в этих странствиях и охотах, о долинах далёких рек и неизвестных горных хребтах, где обитают многочисленные и порой непуганные дикие звери, о технике, которая покоряет пространства...

Дальний перевал.

Расскажу и о самом главном – о поисках Мечты, в которую неизбежно превращается каждое такое путешествие на самый край света. Каждая Большая Охота – прежде всего охота за мечтой.

Я благодарю за помощь, оказанную при написании этой книги, М. Аветикяна, А. Агапова, Д. Бахолдина, Г. Бронштейна, В. Дунаева, В. Жданкина, В. Загоскина, В. Зерзикова, А. Лисицына, Е. Каткова, А. Кляцына, В. Козлова, С. Марченкова, А. Мочульского, Ю. Номикосова, В. Соловья, Е. Спиридонова, С. Щербакова, Д. Поляченко.

Отдельно я благодарю моего отца, Арсения Васильевича Кречмара, который в 1976 году, когда мне было 14 лет, взял меня в первую мою экспедицию.

Михаил Кречмар

2012 год

Владивосток – Москва

Часть I

Большой зверь

Справедливости ради рассказ об охоте на большого зверя в высоких широтах надо начинать с истории охоты на белого медведя, который на протяжении почти восьмисот лет возглавлял список самых почётных трофеев Севера.

Краткий очерк биологии белого медведя я уже давал в книге «Мохнатый бог» (М.: Бухгалтерия и банки, 2005), желающие могут обратиться к этой книге.

Европейцы познакомились с этим зверем в относительно позднее время: сведения о белых медведях впервые поступили в Данию где-то в начале XI века из колонизированной викингами Гренландии.

Позднейшая история охоты на белого медведя довольно странна и изобилует неожиданными поворотами. О том, что этот зверь легко может быть истреблён при самом минимальном человеческом участии, люди догадались ещё в сороковые годы прошлого столетия. Но в ту суровую эпоху человечеству было не до медведей (пусть даже очень больших), поэтому окончательное решение медвежьей проблемы плавно передвинулось на послевоенные пятидесятые и шестидесятые. Советский Союз закрыл охоту на белого медведя полностью и сразу в 1956 году. Канада начала вводить квоты на

его добычу в 1968-м. Норвегия вводила частичные ограничения с 1965 по 1973 год, потом запретила охоту полностью. Соединённые Штаты ввели регулирование охоты в 1971 году, а в 1972-м подвели этого зверя под действие Акта о защите морских млекопитающих. В 1973 году было подписано международное соглашение между пятью государствами, в границах которых находилась вся существующая популяция белого медведя, – США, СССР, Канадой, Норвегией и Данией. Соглашение регулировало многие стороны научного и коммерческого использования, безусловно запрещало охоту с самолётов и ледоколов, однако предусматривало добычу в научных целях и для нужд малочисленных народов Крайнего Севера. При этом Норвегия была единственной страной, которая на своей территории запретила все виды отстрела этого зверя. Считается, что это соглашение было редчайшим случаем сотрудничества между СССР и странами Североатлантического альянса в период холодной войны. Зоолог Ян Стирлинг сказал: «В течение многих лет договор по сохранению белого медведя был единственным соглашением, которое безоговорочно соблюдалось по обе стороны Железного занавеса».

Мир полярного владыки.

Однако в Гренландии, а также Канаде и США охота на белого медведя ведётся и сейчас – в основном местным населением, для его поддержания. В Гренландии, колонии Дании, существуют определённые ограничения на охоту. Однако для представителей местного населения, эскимосов, добыча практически не лимитирована. На основании многолетних наблюдений в 2006 году был объявлен официальный ежегодный лимит в 150 особей, но и за все предыдущие годы «неограниченной» охоты эта цифра никогда не превышалась. Другие формы лимитирования касались в основном полного запрета на добычу самок с детёнышами, использо-

вания определённых видов оружия (калибром менее 6,5 мм), а также обязательного протоколирования местными властями всех случаев отстрела этого хищника.

В Канаде и США общее количество добываемых по квотам «умок» колеблется вокруг цифры в 500 особей ежегодно. Наибольшее количество медведей отстреливается в канадской территории Нунавут, правительство которой выступило за увеличение годовой квоты с 400 до 518 зверей в год, хотя в разных районах этой территории квоты гибко регулируются. Например, в районе Баффинова залива квота была уменьшена со 105 до 65 зверей в год. В канадских Северо-Западных территориях, подобно Нунавуту, годовую квоту увеличили с 72 до 103 зверей.

Рассказ об охоте на белого медведя в районах Икалуита и Баффинова залива (канадская территория Нунавут) читатель может найти в главе 11 этой книги.

Технически добыча белого медведя не очень сложна. Этот хищник, в отличие от своего бурого родственника, не блещет интеллектом – в основном потому, что проживает в очень однообразной природной среде, плавучих льдах, и охотится на многочисленную и несложную «в обращении» добычу – нерпу.

Когда-то мне пришлось много общаться с замечательным корифеем советской киноанималистики Юрием Яновичем Лединым. Юрий Янович снял два прекрасных фильма о белых медведях – на архипелаге Земля Франца-Иосифа и острове Врангеля. Как рассказывал Ю. Ледин, схема приманивания белого медведя, когда тот появлялся в окрестностях лагеря, всегда была предельно проста: отстреливалась нерпа и с помощью снегохода делался потаск её по льду в удобное для съёмки место. Медведь приходил к этой приманке и запечатлевался на плёнку. Если же человек будет вооружён не кино- или фотокамерой, а винтовкой, ему не составит труда всадить в мишку пулю.

Одиночка во льдах...

Классическое описание охоты на белого медведя в период активного освоения Арктики приводит Роберт Пири в книге «Северный полюс»:

«На этом берегу были места, где водились мускусные быки, и мы смотрели во все глаза, но не заметили ни одного животного.

Через несколько миль мы наткнулись на следы двух оленей, а проехав чуть дальше, были наэлектризованы напряжённым шёпотом зоркого Эгингва (*один из эскимосов, входивших в экспедиционную партию Пири. — М. К.*):

– Нануксоа!

Он взволнованно указывал на середину фьорда, и, проследив взглядом за его пальцем, мы увидели кремовое пятно, не спеша продвигавшееся к горлу фьорда, – белый медведь!

Нет зрелища, которое пробуждало бы жажду крови в сердце эскимоса так же живо, как вид белого медведя. Я, во всяком случае, такого не знаю. И при всём своём равнодушии к охоте в Арктике я был взбудоражен не менее моих спутников.

Пока я стоял перед собаками с кнутом в каждой руке, удерживая их на месте, – ибо эскимосская собака не хуже своего хозяина знает, что такое „нануксоа“, – трое эскимосов как безумные сбрасывали поклажу с саней. Как только с этим делом было покончено, Ублуга вскочил в сани и стрелой пронёсся мимо меня. За ним последовал Эгингва; когда он поравнялся со мной, я вскочил в его сани. За нами на третьей упряжке мчался Кулатуна. Человек, придумавший выражение „подмазанная молния“, должно быть, нёсся на пустых санях по следу белого медведя, управляя упряжкой эскимосских собак.

Медведь слышал нас и огромными скачками устремился к противоположному берегу фьорда. Я встал к стойкам саней, дав Эгингва возможность прилечь и отдышаться. Вне себя от возбуждения мы летели по заснеженной поверхности фьорда.

На середине фьорда снег был глубже, и собаки не могли бежать так быстро, хотя рвались вперёд изо

всех сил. Но вот они учуяли след – и тут уж ни снег, ни что другое не могло их удержать. Ублuya, один со своей сумасшедшей упряжкой, далеко опередил всех нас. Достигнув противоположного берега почти одновременно с медведем, он тотчас распряг собак, и мы увидели, как они погнались за зверем – крохотные точки величиной не больше комара, стайей взбегающие вверх по крутому склону. Прежде чем мы добрались до берега, Ублuya уже поднялся на вершину склона и сигнализировал нам оттуда, чтобы мы двигались в объезд – суша эта была не что иное, как остров.

Мы объехали остров кругом и нашли то место, где медведь вновь спустился на лёд. Он продолжал бежать по льду фьорда к западному берегу, преследуемый Ублuya и его собаками.

Самым странным в поведении медведя было то, что, как сказал мне Эгингва, он вопреки обычаю всех медведей в стране эскимосов не остановился, когда собаки настигли его, а продолжал бежать. Для Эгингва это было верным доказательством того, что в медведе сидит сам великий чёрт – грозный Торнарсук. Мысль о том, что он гонится за самим чёртом, ещё больше взволновала моего спутника.

Следы белого медведя.

По другую сторону острова снег был глубже и заметно замедлял наше продвижение. Поэтому, когда

мы добрались до западного берега фьорда, то увидели издали медведя и собак Ублук, которые медленно карабкались вверх по склону. Мы и наши собаки сильно запыхались. Но лай высвобожденных собак где-то наверху среди утёсов придал нам новые силы. Он означал, что собаки наконец выставили зверя. Достигнув берега, мы выпрягли и выпустили своих собак. Они побежали по горячему следу, а мы как можно быстрее последовали за ними.

Вскоре мы подошли к глубокому ущелью. Судя по доносившимся звукам, собаки и медведь находились где-то на дне.

Однако стены ущелья были слишком отвесны, так что по ним не мог бы спуститься даже эскимос, и мы не видели добычу. Медведь, по всей видимости, был под каким-то выпирающим уступом с нашей стороны.

Я направился вверх по ущелью, отыскивая место, где можно было спуститься, как вдруг услышал крик Эгингва: оказалось, что медведь прошёл вниз по ущелью и теперь взбирается вверх по противоположному склону. Я поспешил назад по скалам, покрытым глубоким снегом, и вдруг увидел зверя в ста ярдах от себя. Я поднял ружьё, дал два выстрела, но медведь продолжал подниматься по склону ущелья, — должно быть, я слишком запыхался и не сумел как следует прицелиться. Поистине в медведе сидел сам Торнарсук!

Тут я почувствовал, что жестоко оббил о камни культи обеих ног: пальцы на ногах у меня были

отморожены ещё в 1899 году в Форт-Конгер. Ноги разболелись ужасно, и я решил отказаться от дальнейшего преследования медведя по крутым, усеянным валунами утёсам.

Вручив своё ружьё Эгингва, я сказал ему и Кулатуна, чтобы они продолжали погоню, а сам спустился по утёсам к саням и пошёл вдоль берега по льду фьорда. Но не успел я пройти сколько-нибудь значительное расстояние, как вдали послышались крики, и вскоре на верхушке горы появился эскимос, взмахами рук давая понять, что охота успешно завершилась.

Прямо впереди, как раз напротив того места, где появился эскимос, был вход в глубокую расщелину. Я поставил сани напротив и стал ждать. Немного погодя я увидел эскимосов, с трудом прокладывавших себе путь вниз по расщелине. Собак припрягли к медведю, и они тащили его за собой наподобие саней. Это было интересное зрелище – расщелина с крутыми каменистыми стенами в изодранной снежной мантии, возбуждённые собаки, волокущие столь необычный груз, бездыханная кремовая туша медведя, залитая кровью, кричащие и жестикулирующие эскимосы.

Когда медведя наконец спустили на берег, я сфотографировал его, меж тем как эскимосы ходили взад и вперёд, оживлённо переговариваясь: для них теперь было несомненным фактом, что в медведе сидел чёрт, иначе почему бы он стал убегать, когда собаки настигли его? Тонкости арктической демонологии не доступны пониманию белого человека, и я не принял

участия в споре относительно того, удрал ли чёрт, когда винтовка Ублук поразила его телесное обиталище.

Добыча вскоре была освежёвана и разделана искусными ножами эскимосов, мясо сложено на берегу, чтобы следующие за нами отряды доставили его на корабль, шкура аккуратно уложена на сани. После этого мы вернулись к тому месту на противоположной стороне фьорда, откуда впервые увидели медведя. Там мы отыскивали выброшенные из саней припасы, и так как все – и люди, и собаки – изрядно устали, а проделанная за день работа внушала удовлетворение, решено было тут же устроить привал. Мы поставили палатку, зажгли керосинки и вволю наелись медвежьего бифштекса, который оказался особенно сочным, – очевидно, из-за недавнего присутствия Торнарсука».

Как сегодня охота на белого медведя выглядит, так сказать, с нашей стороны Берингова пролива, я знаю из нескольких достаточно авторитетных источников.

Процесс до крайности прозаичен: люди (а раз это у нас, то они непременно браконьеры) переезжают вдоль побережья из точки А в точку Б на мотонартах, видят бредущего по берегу или льду «умку», догоняют его и приканчивают из любого находящегося в их распоряжении оружия.

Шприцы и медведи

Вспоминается эпизод: в районе поселения Мыс Шмидта на Чукотке в середине восьмидесятых годов случилась тяжёлая ледовая обстановка. Для белого медведя, у которого нерпа – основная добыча, это означало суровую бескормицу. Все «умки» собрались в окрестностях посёлка – на помойках, естественно.

Точно так же естественно случилось ЧП: местная женщина, чукчанка, напилась «огненной воды» и прилегла отдохнуть на помойке. Кто-то из медведей спутал её с мусором и съел. На место происшествия на вездеходе приехал срочно вызванный охотовед и застрелил пару оказавшихся на той помойке медведей. На всеобщую беду здесь же (не на помойке, а в посёлке) оказался и московский корреспондент «Литературной газеты», который устроил шум на весь СССР, подав материал в духе «как фашисты расстреляли беззащитных животных».

После публикации статьи медведей боялись трогать, и они совсем распоясались – стали целыми выводками бродить по улицам посёлка. И в Москве было принято соломоново решение – медведей усыплять и спящих вывозить как можно дальше во льды. Отправили воплощать в жизнь это решение трёх охотоведов и меня (я должен был контролировать данное мероприятие в качестве представителя Академии наук СССР).

Но московские чиновники в советские годы были людьми мудрыми и отправили в Мыс Шмидта не только усыпляющее ружьё с четырьмя шприцами и снотворным, но и пять лицензий на вынужденный отстрел.

Надо сказать, что это был мой первый (и последний) опыт общения с белыми медведями.

Сами по себе звери ничего из себя не представляли – стояли целыми днями на свалке и спали там же.

Один из коллег по молодости предложил их тут же

перестрелять на хрен, но главный охотовед отказался.

– Давай сперва усыпить попробуем, – сказал он.

А присланное из Москвы ружьё представляло собой одностволку 28-го калибра со стволом «цилиндр» и подъёмным целиком. К прилагаемым шприцам инструкция отсутствовала в принципе. Мы не получили ни слова информации ни про пороховую навеску, ни про дозировку препарата.

Для эксперимента взяли мы ватник, повесили его на проволоку, зарядили ружьё с навеской, вдвое уменьшенной от 28-го калибра, зарядили шприц и выстрелили.

По нашему размышлению, при достаточной навеске пороха шприц должен был застрять в ватнике.

Но шприц так не думал. Он пробил ватник и улетел в Северный Ледовитый океан.

Шприцев осталось три.

Навеску пороха уменьшили ещё вдвое.

Шприц запутался в ватнике и сломался.

А шприцы, замечу, были добротные, выточенные из латунного прутка.

Зарядили мы ружьё третьим шприцем и поехали на свалку на вездеходе.

Взял охотовед ружьё, выстрелил из него медведю в лопатку. Теперь, говорит, ждать надо минут пятнадцать, пока подействует.

А подстреленный медведь мгновенно упал, перевернулся на спину, лапами сделал «велосипед»... и затих навсегда.

Посмотрели мы на это дело, переглянулись, подходим. А он, сердешный, остывает уже.

В общем, нашли мы шприц под шкурой с другой стороны.

Расстроились очень сильно.

И положили из карабинов всех оставшихся.

Вопрос о легальной трофейной охоте на белого медведя время от времени встаёт и в России. Несколько лет назад один крупный чиновник от охоты предлагал:

– Давай я трофейную охоту на белого медведя организую! Совершенно легальную!

– И как же ты её сделаешь совершенно легальной? – усмехнулся я.

– Элементарно. Придут на побережье медведи в посёлок, мы их объявим конфликтными, возьмём разрешение на отстрел конфликтных животных. Клиент прилетает, мы одеваем его в форму МЧС, чтобы не тревожить прогрессивную общественность, даём ему автомат и везём на помойку, где эти медведи пасутся. Сто тысяч евро всё удовольствие...

Есть ли у них будущее?

Глава 2

Бурый медведь

Охоте на бурого медведя посвящено огромное количество самой разнообразной литературы. Много писал об этом и я. Подавляющее большинство распространённых на Дальнем Востоке видов охоты на медведя было описано мной ранее, в уже упомянутой книге «Мохнатый бог». Поэтому здесь, рассказывая о дальневосточных охотах, я сделаю основной упор именно на то, что может быть интересно и чего следует ожидать охотникам-спортсменам на наших и чужих берегах Тихого океана.

Сегодня бурый медведь практически не представляет интереса для широких кругов охотников Сибири и Дальнего Востока как объект мясного и какого-либо ещё промысла, в основном из-за повсеместной высокой заражённости его мяса трихинеллёзом, а также невысокой ликвидности шкур. Отстрел его ведётся с целью добычи или лап и желчи для последующей перепродажи перекупщикам из стран Юго-Восточной Азии, или трофея в виде шкуры и черепа этого хищника. Ну и, конечно, ради незабываемых впечатлений от медвежьей охоты.

Медвежий берег.

Кроме того, значительное количество медведей ежегодно отстреливается в регионах «в целях защиты жизни и собственности» (есть такое определение в законодательстве, не нашем – американском). Отстреливаются они, конечно, безо всяких формальностей, ибо происходят эти инциденты с медведями в труднодоступных местах, откуда чаще всего просто физически невозможно известить органы охотнадзора о проблемных животных.

Но здесь мы поговорим не о таких случаях, а о медведе как объекте трофейной охоты.

На востоке России распространено пять способов традиционной трофейной охоты – это охота весной на солнцепёках (подробно описанная в книге «Мохнатый бог»), охота на морском побережье с применением мотолодки, охота на приваде, охота на снегоходах и охота с подхода в горах.

Эти способы можно объединить в две группы – предусматривающие подъезд к животному на моторных средствах и предусматривающие длительное пешее перемещение в горах.

Охота на снегоходах

Охота на снегоходах выглядит так. Охотник-спортсмен сидит в нартах или специальном «корыте», которое тащится на тропе за транспортным средством. Гид-проводник, он же егерь, осматривает в бинокль заснеженные склоны сопки, находит медведя нужных трофейных кондиций, обсуждает эти кондиции с охотником-спортсменом, а затем подвозит его к зверю на расстояние выстрела.

Существует практика (правда, довольно ограниченная: мне известно всего три аутфиттерские компании, которые так делают), когда охотник сидит на снегоходе – и тогда в поиске принимают участие две машины. Но в любом случае роль гида-проводника в этом процессе – провести охотника-спортсмена в наиболее перспективные с точки зрения обнаружения и добычи трофея места, объяснить, как лучше

подъехать к зверю, а также обеспечить безопасность во время охоты, ободрать шкуру и привезти её вместе с черепом в лагерь для последующей обработки.

В этих охотах огромную роль играют как рельеф местности (она должна быть доступна для проезда на снегоходах в тот период, когда медведи покинули берлоги), так и состояние снежного покрова. Должен сказать, что гиды-проводники недолюбливают снегоходные сафари – исключительно по причине того, что очень часто те проходят на пределе технических возможностей машин. Весна наступает неотвратимо и быстро, снег оседает, тает и, кажется, прямо на твоих глазах возгоняется в воздух под палящими

лучами весеннего солнца, а там, где ещё утром сияли белизной занесённые сугробами русла рек, к вечеру прорисовываются чёрные полосы открытой воды. То же и с кедровым стлаником – полукустом-полудеревом, который таится под снежным покровом – и вдруг повсеместно принимается из-под него высвобождаться, едва потеплеет настолько, что его стволы и ветви начинают наливаться весенним соком. Вот простирается прямо перед лыжами машины чистым листом снежная равнина, и вдруг раз – перед тобой, словно рука мертвеца в «Байках из склепа», вырывается чёрная, мохнатая, вся в искрах тающего снега могучая ветка...

Медведь же обычно отнюдь не стремится выйти на ровную заснеженную поверхность, где лихой ездок нагонит его в считанные минуты. Не только потому, что опасается бра-

вых снегоход – чиков, – ему на чистом снегу просто нечего делать. То есть нечего есть.

Найти его чаще всего можно там, где находится его пища, – на обтаявших пятаках каменных россыпей. На очищенной от снега тундре, а то и вовсе среди кустов стланика, освободившихся от вязких объятий сугробов. Поэтому если опытный проводник понимает, что выгнать медведя на открытое пространство, где его можно догнать снегоходом, не удастся, то наступает очередь *подхода*.

Подрастающие «хозяева тайги».

Охота с подхода

Охота с подхода на невысоких, «мягких», как их принято называть (мягких по очертаниям, а не по составляющему материалу), сопках востока России имеет достаточно устойчивый «сценарий». Сперва охотники занимают какую-нибудь господствующую высоту, откуда открывается обзор обширной территории, поросшей редкими невысокими куртинами вездесущего кедрового стланика. Вдумчивый читатель скажет мне, что там, где заросли стланика гуще и обширнее, медведей гораздо больше, ибо едят они, как правило, именно эти вот кедровые шишечки-орешки. Больше-то их, конечно, больше, но проблема заключается не только в наличии медведей, но и в возможности беспрепятственного подхода к оным. Я регулярно объясняю охотникам-спортсменам, что не поведу их в куртину высокого стланика размером километр на полкилометра, даже если в ней будет стоять мишка размером с африканского носорога. То есть пойти-то, конечно, туда можно, но уж медведя вы в результате барахтанья среди пружинящих стволов и сыплющихся на лицо длинных пахучих иголок не найдёте совершенно точно. Вы его в этих кустах просто не увидите! А если случайно и подойдёте на расстояние ближе ста метров (притом что видимость у вас будет ограничена пятью, в прогалах – десятью шагами), то зверю будет достаточно сместиться в этих кустах ещё метров

на пятьдесят – и он окажется в совершенной безопасности.

Поэтому я и говорю: охотиться на медведя надо не там, где его больше всего, а там, где его проще взять.

Итак, под нами располагается широкий увал, обрывающийся с одной стороны к Охотскому морю трёхсотметровым клифом-обрывом, а с другой – переходящий в ту самую, сплошняком заросшую стлаником, долину ручья Таванай. В которой, натурально, медведь на медведе сидит и медведем погоняет. Только мы их не видим.

Гостей у меня двое: со мной Сергей, горный охотник, добывший не один десяток самых престижных баранов и козуро-го-гов, а в лагере, в километре от нас, – Юрий. Он не охотник – просто сопровождает Сергея в сафари. Сегодня он дежурит в переносном палаточном лагере на морском побережье, в то время как мы, охотники, лазаем по горам за очередным «самым большим медведем».

Дежурство Юрия в лагере необходимо ещё и потому, что вчера во второй половине дня непосредственно вокруг лагеря и на ближайших сопках мы насчитали тридцать двух разных медведей. А именно посмотреть на медведя вблизи и было основной

целью поездки Юры в наши края. Я проверяю Юрин дробовик, при этом объясняю, что стрелять в медведя он может только в крайнем случае:

– Тебе будет достаточно показать медведю, что в лагере

находится человек. Не кричи на него, лучше просто говори в полный голос. Камнями кидайся: медведи этого не любят. Ну а если придётся стрелять, то лучше ему под лапы, чем в воздух. В общем, с богом.

Вот мы с Сергеем сидим на вершине горы и наблюдаем, как в лагерь к Юрию по безлесой тундре валит очередной косолапый.

И медведь, и лагерь хорошо заметны на блёклом серо-жёлто-зелёном скомканном одеяле охотского берега. Лагерь – это две палатки, зелёная и жёлтая. Они выделяются, как осколки разноцветных бутылок. Юрий в камуфляже, его между палатками и не видно. Медведь, из-за большого расстояния напоминающий чёрную спичечную головку, катится между кустов и выходит на столбовую тропу, ведущую в устье ручья.

К нашему лагерю то есть.

Медведь на морском берегу.

Двигается медведь шустро, но не сказать, чтоб очень: у него много разных дел, понимаешь. То здесь, то там он задерживается секунд на десять, а то и на минуту. Как человек, часами наблюдавший этих животных вблизи, я понимаю: тут он копнул когтистой лапой муравейник, тут слизнул десяток ягод брусники, а тут, возможно, яйцами из гнезда позавтракал. И всё равно он выйдет на морской берег – покопаться в грудах гниющих водорослей, поворожить камни в поисках спрятавшихся под ними бычков и налимчиков, порыться в гальке, откапывая в ней спрятавшихся рачков-бокоплавов...

А тут на тебе – лагерь...

Медведь уже дошёл до лагеря и обходит его по дуге. Между палатками мы замечаем шевеление – это Юра занимает стратегически выигрышную позицию. Стратегически выигрышной в этом случае может быть лишь одна позиция – оказаться с наветренной стороны от медведя и дать ему уловить струю живого человеческого запаха. Судя по всему, Юре это удаётся не сразу: медведь всё приближается и приближается – с нашей вершины кажется, что он уже почти вошёл в лагерь, – а потом вдруг пускается наутёк, подпрыгивая, как мячик, и мелькая между тёмно-зелёными пятнами стланика.

– Интересно, что же там произошло, – задумчиво произносит Сергей.

Нам обоим понятно: ни криков, ни даже выстрела на таком расстоянии мы бы не услышали. Смеёмся – и тут же замолкаем. Потому что замечаем на местности некоторые изменения.

Прямо на плоскогорье перед нами пасётся пять медведей. Все они довольно далеко друг от друга, и все мелкие. Нет, правда, у меня есть сомнения насчёт одного из дальних, то есть он вполне может оказаться длиной семь футов, но мы охотимся лишь второй день. И пока этот семифутовик – явно не тот зверь, чтобы тащить его шкуру на своём горбу за четыре километра к лагерю. Поэтому мы сидим и ждём.

Наш медведь приходит со стороны берегового клифа. П не один, если можно так сказать. Он тащит за шею, как кош-

ка крысу, другого медведя, задавленного. Я сравниваю габариты обоих зверей по имеющимся у меня «меткам» на местности: медведь-хищник хоть и довольно приличный, но не гигант, однако и задавленный мишка – совсем не щенок. Но нас с Сергеем интересует не это. А то, где остановится большой медведь, дабы начать кушать своего задавленного собрата.

Медведь тащит свою жертву на удивление быстро. Маленький – не маленький, но убитый зверь весит гарантированно больше центнера. А волочёт его хищник практически бегом. Пробежит метров двести, бросит жертву, чутко отдохнёт – и снова бежать. Я холодею от мысли, что он сейчас забьётся вон в те самые стланиковые заросли – и выковырять его оттуда будет не в состоянии никакая человеческая сила. Вернее, сила-то такая у человечества имеется, но в нашем распоряжении ныне отсутствует – это вертолёт Ми-24.

Кедровый стланик – основа существования бурого медведя на Дальнем Востоке.

Опасения мои оправдываются наполовину. Медведь добирается до рубежа, за которым разреженные кусты стланика сбиваются в плотную массу, и там залегает. Я смотрю на него три минуты... десять... Похоже, он уже никуда не пойдёт.

– Подходим, – говорю я Сергею.

Винтовка Сергея – Mauser Mod. 03 под патрон.30–06, минимально достаточный для стрельбы крупного медведя. Патроны снаряжены пулями Hammerhead весом 14 граммов. Но для такого случая я бы, конечно, предпочёл увидеть у

него в руках что-нибудь, что позволит наделать дырок побольше. Уж очень близко кусты, и медведь достаточно крупный. Один кувырок – и нам возиться с ним и возиться...

С другой стороны, ветер нам вполне благоприятствует: ну не совсем чтоб уж от нас, но – боковой, сильно боковой, и если не случится какого-нибудь резкого изменения в погоде, то он нас не выдаст. Кроме того, ветер этот ещё и довольно сильный, и на дальних подступах он будет заглушать наши шаги по ягелю.

Да, и про ягель. Я быстро объясняю своему спутнику, что идти надо по тем местам, где только что стоял снег: там ягель мокрый и под ногами не хрустит. И вообще, мы приближаемся по довольно открытому месту, так что стрелять придётся метров со ста пятидесяти.

Ну, и мелкие детали. Почти весь подход я иду впереди, а меняемся местами с охотником мы уже непосредственно перед его выстрелом. Потому что я фиксирую место, где застрял наш медведь, и с большей вероятностью, чем Сергей, увижу, если тот начнёт отходить.

А теперь – вперёд!

Выйдя практически на траверз выстрела, мы останавливаемся. Вот вроде искомое место. Пять здоровых кочек, одинокая кривая берёзка, валун в тридцати метрах выше по склону. Медведя нет.

Достаём бинокли и в четыре глаза обшариваем участок. Нет медведя! Ни самого, ни его «обеда». Я уже готов плю-

нуть и вполголоса сказать «ушёл», как Сергей показывает мне на столбиком поднявшегося в кустах «хозяина».

Судя по всему, хитрый мишка, услышав наше приближение, отошёл метров на тридцать в глубь стланика и сейчас пытается сориентироваться: кто или что может помешать ему вкусить честно добытого мяса?

Сергей вскидывает винтовку и стреляет ему в середину груди.

Медведь исчезает в кустах.

– Чёрт побери, – говорю я в голос. – Ну и что мы с этим будем сейчас делать?

Кусты в месте падения пару раз тряхнулись – вероятно, зверь ранен и всё ещё там.

Сергей молчит. Потому что ломать голову над тем, как доставать из кустов раненого медведя, предстоит мне.

Он, возможно, и находится там при последнем издыхании, но нам это неизвестно. Ибо, не будь дураком, топтыгин выбрал для своего последнего наблюдательного пункта самую густую из густых чащобин, где свободного места если и найдется, то каких-нибудь пол квадратных метра, которых хватает только на то, чтобы встать вертикально на задние лапы и высунуть башку.

– Ну что, полезем? – спрашивает Сергей.

Я качаю головой.

Мы обходим место предполагаемого нахождения зверя. С большим удовлетворением я отмечаю, что на этот раз и на

старуху случилась проруха: хотя на первый взгляд эта куртина стланика и соединена с основным «островом», но... но не до конца. В самом узком месте перешейка есть прогал – шириной метров пять-шесть. Небольшой, но для моих целей вполне достаточный.

Сергей останавливается на возвышенности – теперь он видит большую часть открытого пространства вокруг нашего «острова». И самое главное – тот прогал. А я, в свою очередь, меняю патроны в карабине «Вебрь-супер» с полуоболочечных на снаряжённые пулями FMJ. Предстоит выкуривать медведя, как я это называю, «квадратно-гнездовым способом».

Сергей уже вскинул винтовку к плечу, взяв под прицел место, где медведь появится вероятнее всего. Я же, вдумчиво и с расстановкой, всаживаю десять патронов в ту область, где мы видели шевеление веток. При этом стараюсь переносить прицел всякий раз сантиметров на тридцать, чтобы прошить каждый участок подозрительного кустарника. Расчёт здесь не на то, что я убью медведя, – напротив. Нервы у зверя в такой ситуации не выдерживают, и он сдвигается или вовсе пытается покинуть опасное место, подставляясь при этом под пулю другого стрелка.

Так происходит и сейчас: гремит выстрел, и Сергей будничным тоном сообщает мне:

– Готов.

– Что, точно?

– Да, лежит и не двигается.

Мы рассматриваем трофей. Да, взрослый самец, «квалифицированной» для охотского побережья длины 240 сантиметров. Другой медведь, его добыча, – молодой, длиной 190 сантиметров, ширина лапы 14 сантиметров, из чего можно заключить, что ему года три-четыре.

Молодой медведь, задавленный медведем постарше.

Через полтора часа мы возвращаемся в лагерь. Подходя, видим Юрия, который делает нам предостерегающие знаки. Я снимаю рюкзак и оглядываю окрестности – да нет, вроде

всё на месте, лодка цела, палатки стоят, как стояли, посреди лагеря костёр, на костре кипит чайник...

И тут я замечаю, что под стамухой в какой-то сотне метров от лагеря расположился медведь. Небольшой такой медведёк... Он лежит на спине, и струйки ледяной воды скатываются ему прямо на заросшее редкими волосами брюхо...

– Ну и как? – спрашивает напарника Сергей.

– Что как? Да штук восемь приходило. Я уже отмахиваться от них устал. Покричишь-покричишь, побьёшь в чайник – уходят. А этот так интеллигентненько, прокрался боком – и под лёд. Ну я его пугать не стал – вишь, жара какая...

Охота с применением мотолодок

Сказать начистоту, не люблю я «морскую» охоту с применением мотолодок. Хотя, конечно, она наиболее результативна и даёт возможность самого тщательного выбора трофеев. Как-то раз на мотоботе, шедшем со скоростью восемь километров в час, мы за двенадцать ходовых часов встретили на побережье 114 медведей.

А всё потому, что после подъёма из берлоги, который у медведей российского Северо-Востока приходится на конец апреля – первую половину мая, мишки от прибрежных хребтов устремляются к береговой полосе. И имеют для этого несколько резонов.

Ну во-первых, сама береговая полоса является для зве-

ря практически неограниченным источником самой разной пищи – от рачков-бокоплавов, миллионами кишаших в прибрежной гальке, до выброшенных на берег трупов морских млекопитающих. Кроме того, под влиянием ветров и повышенной влажности полоса берега шириной километра три-четыре освобождается от снега значительно быстрее, чем лежащий за ней «материк». А обтаявшие сопки дают медведям пищу – прошлогодние орешки кедрового стланика, бруснику, шикшу... Да и всякая мелочь вроде пищух и полёвок тоже активизируется на этих прогреваемых солнцем каменистых гребнях – и являет собой достойную приправу к медвежьему столу. А в-третьих, на закрытых от ветра обращённых к югу склонах береговых распадков уже в самом начале мая начинает уверенно пробиваться сочная весенняя растительность...

Всех этих причин более чем достаточно, чтобы в весенний период (практически до середины июня) всё побережье становилось настоящим медвежьим царством.

Вышеописанная охота с подхода происходила тоже не где-нибудь, а прямо на берегу Охотского моря.

Но при подходе охотники очень сильно ограничены своими физическими возможностями. На море же им в этом помогает мотор.

Сказать по правде, я всегда с некоторым содроганием смотрю на тяжело плещущуюся серую воду Охотского моря. Слишком много отчаянных (да, в общем, и не очень отча-

янных) парней нашли свой конец, разбившись о скалы, угодив под накат, просто перевернувшись на волне, да и вообще – количество причин, по которым человек может погибнуть в холодном море, превосходит всякое человеческое воображение. Тем не менее люди раз за разом садятся в ничтожно малое по морским меркам корыто, сделанное из дюрала или надутой воздухом жёсткой водонепроницаемой ткани, и отправляются в путь вдоль одной из самых красивых береговых линий на свете...

Как и во всех других видах охоты, когда человек передвигается через большие пространства на самодвижущемся средстве, будь то лошадь, снегоход, автомобиль или мотолодка, особое значение имеет умение «видеть» зверя. «Видеть» – значит замечать его среди рябой каменной россыпи на высоте трёхсот метров над береговым обрывом, обнаруживать торчащий из кедрового стланика на какие-то десять-пятнадцать сантиметров мохнатый горб, определять неподвижно залёгшего зверя в совершенно не свойственном ему месте, например на вершине каменного «пальца» высотой с трёхэтажный дом, на который, кажется, и пауку-то залезть непросто... Поэтому охотника-спортсмена в мотолодке обычно сопровождают два егеря – один полностью занят управлением лодкой, второй же внимательно рассматривает побережье.

Как правило, с обнаружением зверя всё только начинается.

Первое, что надлежит сделать, увидев достойного медведюгу, – это высадиться. Высадка на берег (как и посадка в лодку) на Охотском побережье – отдельное сложное мероприятие. Сколько огромных медведей весьма внушительных размеров прожили спокойно как минимум один сезон, а возможно, даже смогли умереть от естественных причин благодаря тому лишь, что рулевой моторки совершенно однозначно говорил «нет», глядя на лижущие берег белые буруны волн, и поворачивал нос лодки в море. Но если всё-таки решение высаживаться принято...

Здесь, прежде всего, имеет большое значение место высадки. Никто не будет на крохотной моторке выбрасываться на огромные камни размером с коттедж на Рублёвке (а из таких булыганов состоит как минимум четверть береговой линии Охотского побережья). Рулевой в первую очередь оценит, нет ли где-нибудь рядом, в радиусе трёхсот метров, галечного микропляжика или, на худой конец, заводи между скал, где валуны поменьше. При этом он принимает во внимание не только возможность «сухой» высадки на берег, но и то, какими путями охотники могут подниматься к зверю, и выберет из этих путей наиболее рациональный.

Все вышеописанные задачи вполголоса обсуждаются участниками охоты ещё на воде, ибо расположение на лодке под берегом даёт людям огромное преимущество – обзор. Которого высадившаяся на скалы группа будет сразу же лишена.

Но вот решение принято, все варианты поведения обсуждены вполголоса¹, а медведь, огромный коричневый увалень, всё так же упоённо ковыряется в булыжниках на приступке в двухстах метрах над кромкой воды. Теперь рулевой уступает место у мотора гиду-проводнику (лодка в это время тихо продолжает выписывать пируэты у берега), а сам садится в носовую часть на вёсла. По команде гид выключает и поднимает двигатель, а рулевой разворачивает лодку носом к волне и кормой к берегу.

Гид-проводник берёт рюкзак с обязательным спальником, припасом для обеда (а если гид предусмотрительный, то и для ужина, и для завтрака), винтовку охотника-спортсмена, свой верный СКС, иногда – рюкзак охотника-спортсмена. И готовится...

Едва лодка утыкается кормой в камни, гид (а всё надо делать ещё и тихо, чтобы не испугать медведя!) выскакивает на берег, отбегает на пару метров, складывает всё снаряжение в *сухом* месте и возвращается к лодке, которую в это время удерживает в том же положении рулевой на вёслах. Здесь он помогает выйти из лодки охотнику-спортсмену, обутому, как правило, в ботинки для горной охоты, и... Начинается всё тот же подход к зверю, только по вертикали.

Всё время, пока находящиеся на берегу люди охотятся,

¹ Человеческий голос на лодке с включённым мотором очень хорошо слышен с берега, так как отличается от шума мотора по тембру. Но при этом люди на моторке не могут слышать того, что происходит на берегу: им мешает шум двигателя.

разделявают зверя, тащат его на берег, рулевой держит лодку на изрядном расстоянии от береговой черты, подходя к берегу, только когда группа оказывается в месте десантирования. Тогда всё происходит в обратном порядке: сперва в лодку садится охотник-спортсмен, потом туда отправляется трофей (если его удаётся добыть), ну а в самую последнюю очередь запрыгивает гид-проводник с оружием и рюкзаками.

Основную проблему на этой охоте создаёт не столько наличие или отсутствие зверя (хотя если медведя на берегу нет, то охота просто не состоится), сколько поведение изменчивой и непредсказуемой морской стихии.

После одного из случаев, который едва не завершился гибелью нашей охотничьей группы, я предпочитаю море, сплошь покрытое плавучими льдами. Ибо плавучие льды придают тёмносерому раствору морской соли непоколебимое спокойствие и незыблемость. Причём незыблемость в самом прямом смысле слова. Лодка скользит между синими и серыми изломанными ледяными громадинами по неподвижной, словно зеркальная поверхность, воде. Нет никакого шторма и нет никакого ветра – только, когда заглушаешь мотор, слышишь странный звон и треск разваливающегося под действием тепла льда... Да ещё поглядываешь опасливо на затянутый сплошными льдами горизонт: вот-вот потянет с моря ветром, придёт в движение ледяная чешуя, придвинется к берегу – и станем мы наперегонки со льдами выволакивать лодку как можно дальше от кромки воды. А там –

костриться и ждать, пока лёд отойдёт подальше. Или растает. Нет, не люблю я охоту с моря...

Охота на привале

Сразу уточню: всё, что я расскажу про охоту на приваде, ограничено временными рамками – с момента выхода медведя из берлоги и до середины июня, а также с начала сентября и до момента ухода в берлогу, если дело касается медведей севера и востока России. Оговорка про местность необходима, потому что в каждом географическом регионе медведи ведут себя очень и очень по-разному. Например, поведение медведей юга Камчатки и медведей Корякского нагорья различается столь сильно, словно это вообще разные виды (!) животных. А ведь живут вроде в одном субъекте Федерации и известны среди охотников под одним именем – «камчатский медведь»... Подавляющее большинство охот здесь совершенно бесхитростны: ходит охотник по горам или морскому побережью и осматривает обширные пространства. Поскольку этих открытых пространств здесь много, медведи на них хорошо заметны и не особенно осторожны. И опытный охотник может просто подойти к зверю на расстояние выстрела, учитывая направление ветра. Но даже и в этих условиях – при изобилии и доступности зверя – использование привады увеличивает результативность охоты буквально в разы.

Грамотное использование привады, конечно же...

По следам опытный проводник легко определяет размер

зверя.

Естественные концентрации пищи

Простейшим вариантом охоты на приваде является охота на местах естественных концентраций пищи – нерестилищах лососёвых рыб, «гнилых углах» морского побережья, исключительно богатых ягодниках. В этих местах чаще всего практикуются *засидки*.

Для правильного размещения засидки желательно сперва определить пути подхода зверя к приваде. Это лёгкая часть задачи, и решается она довольно просто: вы ищете и находите свежие отпечатки лап, недавно раздавленные ягоды, разбросанные куски свежей рыбы неподалёку, да и просто логически размышляете. Иногда встречаются ситуации, когда тропа постоянного выхода медведя на нерестовую протоку пролегает по твёрдому, не оставляющему следов субстрату (например, по плотно утрамбованной крупной гальке), но даже тогда её можно просто «угадать» – по расположению ближайших лёжек, укрывающего зверя леса или кустарника.

Но найти или угадать место выхода зверя – это ещё не половина дела и даже не его четверть. Теперь предстоит: а) оценить направление ветра (вместе с его возможным изменением); б) прикинуть точку предстоящей засидки (если она есть, эта точка, что вовсе не очевидно); в) проверить наличие или отсутствие веток и прочих мешающих предметов на траектории наиболее вероятного выстрела; г) оценить возмож-

ность других, скрытых, подходов медведя к месту засидки. Последнее бывает весьма и весьма актуально: в моей практике было не менее десятка случаев, когда медведь выходил буквально «из-за плеча».

Кроме того, надо помнить о направлении лучей закатного или рассветного солнца, о наличии неподалёку журчащей воды или морского берега с возможным накатом или прибоем (очень мешает, поверьте! контроль выхода зверя на кормёжку производится в основном на *подслух*), о скрипящем субстрате под выворот-нем или складным стульчиком, о поднимающихся с соседней бочажины комарах. В общем, обо всех тех мелочах, которые могут помешать человеку, караулящему в засаде большого, чуткого и опасного зверя, каким является медведь.

Но значительную часть этих важных деталей человеку удаётся подправить в нужную сторону, если он создаёт место концентрации пищи для медведя сам.

Иначе говоря, выкладывает приваду.

Выкладывание привады

С помощью привады охотник пытается управлять подходом зверя к тому или иному удобному для человека месту. Потому выкладывание привады требует очень хорошего понимания особенностей поведения зверя. Более того, опытный егеря отводит значительное время на подготовительный этап «приваживания» – приучения зверя к выложенной при-

ваде. В некоторых известных мне случаях на такое приучение уходило две и даже три недели.

Прежде всего охотнику надо решить, нужна ли ему привада вообще. Может, при охвате больших территорий и постоянном наблюдении за открытыми пространствами ему удастся добиться желаемого результата с меньшими затратами сил и времени?

Поэтому использование привады лично я считаю наиболее рациональным, когда:

- а) охотник имеет достаточно времени на её подготовку;
- б) стремится к добыче на данной территории не абы какого, а совершенно конкретного зверя;
- в) ориентирован на скорейший результат.

Ну и одним из определяющих аргументов применения привады служит обычно наличие свободного припаса для оной.

Использование лабазов

Традиционный для севера и средней полосы России лабаз в наших краях, на Дальнем Востоке, на приваде практически не применяется. Основные причины этого – обилие открытых пространств и довольно сильно пересечённая местность. А привада – это возможность навязать зверю выгодную для человека стратегию поведения. В наших краях привада выкладывается обычно таким образом, чтобы зверю пришлось подходить к ней по довольно обширному от-

крытому пространству. При этом засидку располагают на какой-нибудь возвышенности, доминирующей над привадой. Это может быть холмик, берег реки и даже одиноко стоящий большой валун. В некоторых случаях охотник может контролировать подход зверя к приваде на очень большом расстоянии – в несколько сот метров. Здесь, правда, стоит вновь повторить: концентрировать внимание на каком-то одном вероятном пути подхода нельзя ни в коем случае – в местах с высокой плотностью популяции косолапых вполне возможен выход двух и даже трёх зверей на одну и ту же точку (в моей практике такие случаи бывали).

Если говорить о севере Дальнего Востока, то одной из причин нераспространённости в этих местах лабазов является отсутствие здесь подходящих деревьев. Тем не менее и в этих местах люди с лабазов охотятся, и даже я делал это несколько раз. Только использовали мы для этого лабазы «складские» – для хранения снаряжения и продуктов на охотничьих базах. И медведей на них караулили совершенно определённых – повадившихся разорять избушки. В качестве «привады» в таких случаях, естественно, выступал сам охотничий домик.

Одним из вариантов привады на охотничьих зимовьях всегда была выложенная неподалёку от домика помойка. Более того, на многих известных мне базах эта помойка специально устраивалась так, чтобы мусорная куча была видна из окна или открытой двери и простреливалась с этой точки из

винтовки. Более того, иногда в таких избах охотники указывали требуемое положение прицела прямо на косяке двери или оконной раме. В основном на такие привады приходили лисицы, но и медведи тоже не являлись редкостью.

На юге же Дальнего Востока лабазы используются повсеместно. Это обусловлено сомкнутым и густым лесом, в котором обычно происходит охота. Лабазы, как правило, располагаются на опушках леса, неподалёку от искусственных или естественных солонцов, и медведь чаще всего является попутной добычей при пантовке. В качестве привады в основном применяются потроха ранее добытых на солонцах животных. Естественно, срок существования такой привады очень невелик (тем более что нахлебников, желающих подкормиться пропастиной, в уссурийской тайге и без мишек достаточно). Поэтому охотник, желающий добыть медведя, высаживается на лабаз сразу же после отстрела на этом месте изюбря или пятнистого оленя. И ждёт уже «до победного».

Особенности привалы на медведя

Классическая привада на медведя обычно состоит из двух частей: приманки – мелких кусков пищи, которые медведь съедает сразу или уносит на лёжку, – и собственно привады – той, до которой ему трудно добраться и которую невозможно утащить. Иногда, если есть возможность, охотник может значительно упростить медведю задачу по обнаружению привады, сделав в большом радиусе от неё специальный за-

паховый след – *потаск*. Лучше всего в качестве потаска использовать кусок сала, опалённый предварительно на огне. Но, вообще, вариантов потаска может быть много. Помнится, один знакомый егерь просто таскал за собой на снегоходе вывезенную со скотомогильника тушу свиньи.

Но основными – важными для медведя – параметрами привады являются её размеры и запах.

Разумеется, крупный медведь в состоянии утащить на значительное расстояние приваду даже очень больших размеров: я был свидетелем, как один топтыгин отволок за триста метров тушу сохатого весом более четырёхсот килограммов. Потому лично я твёрдо уяснил две основополагающие вещи: привада для медведя обязана быть не легче ста пятидесяти – двухсот килограммов (вообще – чем больше, тем лучше) и должна быть очень хорошо закреплена.

Конечно, здесь возможно множество вариантов. Например, основная привада закладывается между многосоткилограммовыми валунами каменной россыпи: они обеспечивают устойчивость запаха, а рядом разбрасываются куски приманки. Ещё один вариант «замедленного действия» – когда в качестве привады выкладывается много бросовой рыбы, причём для её извлечения зверю необходимо проявить некоторое трудолюбие (например, вытаскивать шук из песка). Ну и сам характер привады не позволяет быстро утащить её в кусты, а возобновляемость ресурса даёт возможность поддерживать эту приваду в «дееспособном» состоянии.

Особо следует оговорить использование для привады туш других медведей, убитых в этом районе. Надо сказать, что лучше всего мишки поедают мясо своих сородичей в весеннее время, хотя медвежьи трупы и не пользуются у них такой популярностью, как битая нерпа или крупный рогатый скот. Тем не менее – если поблизости от вас другой счастливый охотник добыл медведя и бросил тушу на месте, вам стоит регулярно к ней наведываться: вполне вероятно, что к ней пожалуют другие медведи.

Бочки-«вонючки»

Существует очень широко распространённый (и, добавлю, самый простой) вариант привады в виде вырубленной железной бочки, в которую «зашиваются» куски приманки и килограммов сто – сто двадцать крупных камней. В стенках бочки прорубаются отверстия, сквозь которые источаются столь сладостные для медведя миазмы гниющего мяса. Бочка привязывается к корням дерева или камням стальным или капроновым тросом. В таком виде она становится в прямом смысле слова недвижимостью и приманивает всех трупоедов из ближайших окрестностей.

Недостатком же такой привады является то, что пищу «видит око, да зуб неймёт». Поиграв с бочкой-«вонючкой» и не добравшись до её содержимого, медведь эту бесплодную затею бросает. Поэтому по-настоящему бочка-«вонючка» эффективна лишь в сочетании с постоянной подкормкой

в её окрестностях порционными кусками приманки, которые разбрасываются в течение нескольких дней, а то и недель.

Сколько ждать в засидке?

Ну... Пока на приваду не выйдет по-настоящему крупный зверь. Иногда всю ночь, от заката до рассвета, иногда – и несколько ночей подряд. Поэтому я, например, иногда практикую обустройство рядом с привадой примитивного бивака: коврик, термос, одеяло или лёгкий спальный мешок. Дело в том, что в хорошую погоду весной самое светлое время суток можно просто «переспать» неподалёку, желательно – на расстоянии прямого выстрела из винтовки от той самой привады.

Несколько правил организации привады

Выкладке привады должна сопутствовать всесторонняя разведка на местности. Необходимо убедиться в том, что здесь действительно водятся медведи искомым размеров и они регулярно проходят в непосредственной близости от места, где планируется выкладка привады.

После того как место предполагаемой привады определено, я рекомендую в течение длительного времени выкладывать прикормку, желательно ту же, из которой впоследствии будет устроена основная привада.

Когда убедитесь, что звери регулярно посещают прикормочную площадку, вам необходимо заготовить основную

приваду. Она должна удовлетворять следующим требованиям: испускать запах, свойственный той прикормке, которую вы использовали ранее; быть трудноразрушаемой; её надо очень хорошо закрепить на месте, чтобы зверь, придя на неё, оставался рядом столько времени, сколько вам необходимо для выстрела.

Привада и конфликтные медведи

Долгая охотничья практика научила меня тому, что самая сложная охота та, целью которой является убить какого-то одного конкретного зверя на достаточно большой территории. Ещё в детстве я зачитывался историями про подвиги Джима Корбетта и Джона Паттерсона, которые с каким-то ювелирным мастерством ухитрялись в джунглях, изобилующих самыми разными хищниками, убивать «именно тех» «людоедов Цаво» и «чампаватских тигриц».

На моей практике поиск медведей, заподозренных в человекоубийстве, сводился к тому, что охотуправление заказывало вертолёт, охотоведы облетали район предполагаемого нахождения зверя, отстреливали первого попавшегося медведя (а иногда и двух) и показывали его главе местного поселения, утверждая, что разделались с тем самым медведем-людоедом, после чего дело закрывали.

Лично я всего один раз сидел в засаде на такого медведя – возле тела убитого им человека. Мне пришлось преодолеть довольно сильное сопротивление милиционера, который го-

рел желанием оттранспортировать тело в морг. Я же предложил наудачу посидеть ночь в пятидесяти метрах от трупа, благо расположен он был очень хорошо (если так можно выразиться по отношению к столь печальному случаю). Убитый рабочий лежал, укрытый наломанными ветками, в русле ручья, над ним нависал козырёк обрывистого берега, на котором рос разлапистый куст кедрового стланика. Именно этот куст и навёл меня на мысль устроить здесь засаду.

Испуганный медведь – опасный медведь...

Я проявил чудеса убеждения, доказывая, что если мы по-

жертвуем одной ночью, то, возможно, получим шанс убить именно того медведя, который и задавил беднягу. Капитан нехотя со мной согласился, однако поставил неперемное условие – что на дежурство он встанет вместе со мной. Это условие, разумеется, встретило ряд встречных – не курить, не храпеть, не разговаривать.

– Как будто бы я сам не знаю, как в засадах сидят, – хмуро сказал капитан.

Я пожал плечами. У меня создалось впечатление, что главной причиной капитанской настойчивости было скрытое подозрение, будто ночью я умыкну тело несчастного с какими-то некрофильскими целями.

Мы провели в кусте стланика довольно-таки неудобную ночь. Я постарался всячески обезопасить подход к нам со стороны тыла, забросав куст сзади сухими молодыми листовницами, в изобилии торчавшими неподалёку, однако сто-процентной уверенности в неуязвимости наших тылов не испытывал.

Капитан вёл себя практически безупречно всю ночь: он грел мне ноги, навалившись на них мощной спиной, умеренно сопел и храпел. Всё мероприятие погубила моя собственная недотёпистость.

Когда начало светать, я обнаружил метрах в семидесяти от нас какое-то движение. Приглядевшись, я увидел средней величины медведя, практически бесшумно, словно огромная капля ртути, спускавшегося к месту временного упоко-

ения убитого. Медленно начал наводить на него карабин – и при этом ненароком задел плечо милиционера. Капитан мгновенно проснулся и... потащил из кобуры пистолет, который, как мне казалось, брал с собой исключительно для блезира. Что-то щёлкнуло, звякнуло... и, когда я снова посмотрел в сторону трупa, медведя уже не было.

Больше его никто никогда не видел.

Трофейные кондиции русских медведей

Размеры бурых медведей – одна из наиболее волнующих тем рассказов у костров и за охотничьими застольями всего мира. Охотники-медвежатники и энтузиасты живой природы ведут нескончаемый спор о том, в каких краях проживает Самый Большой Медведь. Количество рассказов об этом мифическом существе может соперничать с историями об НЛО и, наверное, превзойдёт количество подобных же историй о лох-несском чудовище. Самого Большого Медведя обсуждают чукотские и алтайские пастухи, эвенки с Олёкмы и удэгейцы с Бикина, пчеловоды Удмуртии и браконьеры Бурятии, а также охотники-промысловики, охотники-спортсмены и «кабинетные» охотники.

Но с «охотничьих» рассказов известно какой спрос – никакого... Лично я был свидетелем того, как медведя, убитого начальником пожарной охраны чукотского посёлка Марково, взвешивали в весовой местного бакалейного склада на

огромных напольных весах. При довольно значительном стечении народа весы показали 235 килограммов. Тем не менее через год медведь тот в человеческом воображении увеличился в два, а двумя годами позднее – ещё в два раза. И в этом меня убеждали всё те же люди, с которыми я клал его на весы. Именно тогда я убедился в верности выражения «врёт, как очевидец».

Кроме таких феноменов, связанных с абберацией человеческого сознания, существуют и некоторые более объективные обстоятельства, способные повлиять на оценку размеров этого животного охотником или очевидцем. Первое касается особенностей анатомического строения данного зверя. В отличие от копытных животных, которые все состоят из живых «рычагов», медведь – зверь довольно странного сложения. Его туша как бы перекачивается в руках разделщиков, её довольно трудно фиксировать даже верёвками или при наличии помощников, и в результате даже очень опытные люди оценивают вес медведя с ошибкой процентов на двадцать в большую сторону по сравнению с тем, как они оценивают вес того же лося или оленя.

Другой вариант абберации восприятия наблюдается, когда зверя видят на местности, где очень трудно «схватить масштаб», сравнить его размеры с каким-либо известным по габаритам предметом. Медведи на безлесых равнинах Камчатки, Аляски и Чукотки всегда выглядят несколько крупнее, чем есть на самом деле.

Ну и, в-третьих, бурый медведь – просто очень внушительный зверь. А когда он хочет на кого-нибудь произвести впечатление, то становится ещё более внушительным. Кроме того, шерсть на его голове становится дыбом, топорщится, и мишка начинает казаться вдвое шире. Бывает, чем-то обеспокоенный косолапый начинает беспорядочно прыгать на одном месте, иногда становится на задние лапы, при этом громко ревёт – примерно так, как на холостом ходу пущенный на полную мощность двигатель внутреннего сгорания. Замечу также, что громкость этого рокочущего оглушительного рёва не зависит от размеров испускающего его зверя. Даже небольшой медведь может закатить настолько мощную руладу, что если вам не посчастливилось увидеть самого зверя (по причине, например, темноты), то вы можете до конца жизни остаться при убеждении, что судьба чуть не свела вас с «самым-самым» медведем из всех когда-либо существовавших на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.